

Глава II. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО РЕСУРСА

2.1. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С конца 1980-х гг. развитие исторического знания о российской цивилизации осуществлялось на фоне возраставшего недоверия многих исследователей к формационной методологии и отказа от объяснительных схем исторического материализма. В обстановке ставшего допустимым заимствования идей зарубежных коллег и расширения публикационных возможностей для выражения обществоведами собственных идей, интеллектуальное пространство стали заполнять разнообразные аналитические модели, претендовавшие на универсальность в объяснении специфики России. На этом фоне множились проблемы в усвоении исторического знания, связанные с тем, что научное сообщество не успевало качественно переработать нарастающий поток информации, всесторонне изучить новые теоретические конструкции, критически оценить их эвристический потенциал и целесообразность включения в прикладные исследования с позиции согласованности с уже известными и проверенными фактами о прошлом общества и соответствия с заявляемой методологией.

Решение проблемы систематизации наработанного в течение 1990–2010 гг. данного аналитического ресурса открывает перспективу получить представление о целостности такого сложного объекта, каким представляется российская цивилизация, понимания преимуществ или слабых мест использованных для его исследования подходов, постановки новых задач. Попутно, как заметил И. К. Калимонов, «осуществляется поиск

конкретных механизмов целостности изучаемого объекта и обнаружение разнообразной типологии его связей»¹.

В дискуссиях о способах познания российской цивилизации в завуалированном виде скрывалась контroversа по поводу эпистемологических предпочтений авторов. Описывая сложившуюся в историографии ситуацию, И. Н. Ионов констатировал факт, что «в отечественной теории истории взаимодействуют сейчас не просто теория формаций и различные версии теории цивилизаций, а теории, принадлежащие к различным по своей природе и задачам формам знания: классической науке (теория формаций и позитивистский вариант теории цивилизаций), неклассической науке (теория цивилизаций школы «Анналов», за исключением ее «четвертого поколения», и родственная ей часть культурологии), а также элементы исторических теорий постнеклассической науки»². При этом проявившееся уже к концу XX в. нео- (пост) классическое направление в исследовании российской цивилизации нередко скептически оценивалось по критериям классической рациональности³, что создавало прецеденты критики по поводу её научности.

В этой связи возникает потребность выяснить истоки указанного противоречия, в которых, как полагаем, были скрыты и некоторые причины дистанцирования многих представителей исторических дисциплин в отношении формировавшегося цивилизационного подхода.

Как известно, в науках об обществе прирост знаний происходит по мере осознания сложности его структуры и за счёт но-

---

¹ Калимонов И. К. Основы научных исследований (зарубежная история). Практикум. – Казань: Издательство Казанского Государственного университета, 2006. – С. 57.

² Ионов И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 6. – С. 133.

³ Рузанкина Е. А. Неклассический идеал научности в исторической науке: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005. – С. 3 - 4; Следзевский И. В. Особенности и возможности цивилизационного подхода. – С. 23 - 26.

вых фактов и интерпретаций понимания/объяснения совокупности связей и отношений, скрепляющих элементы системности социума между собой и с внешним миром. На каком-то рубеже научных поисков прежний инструментарий требует естественного обновления. В процессе бурного развития цивилизационного знания, в теоретическом плане опиравшегося на труды представителей русской историософии и зарубежных аналитиков истории, дополнительные возможности концептуализации открывались в пространстве эпистемологии – области научного познания, занимавшейся анализом природы знания, источниками его получения, решением проблемы истины, границ и условий постижения прошлого с учётом соотношения различных форм духовного освоения бытия, сложившихся как в изучаемый период, так и в современное для исследователя время¹. Она вооружала интеллектуалов, их восприятие достижений человеческого разума нормами и стандартами познавательного процесса².

В рассматриваемый период социально-гуманитарные науки получили относительно надёжный инструмент обнаружения элементов эклектики в теоретических моделях истории в виде концепции В. С. Стёпина о трёх формах научного познания: классической, неклассической и нео-(постне) классической³. Автор заключил, что направление эволюции знаний связано с переходом от одного типа научной рациональности к другому в указанной очерёдности, и каждый последующий, качественно новый тип не просто сменяет предыдущий, но также включает его элементы.

---

¹ Ищенко Е. Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – С. 13.

² Киященко Л. П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы). – С. 29.

³ См.: Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384 с.; Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция.

Так, до конца XIX в. европейская наука преимущественно развивалась на основе классической рациональности, в XX столетии – на основе неклассической, и к концу века появились признаки нео-(постне) классической. Каждый из типов рациональности отличается сложившимся на его основе комплексом базовых утверждений, касавшихся отношений между объектом и субъектом познания, смысла(ов) истины, классификацией способов познания окружающего мира и других параметров научности. Концепция В. С. Стёпина получила распространение в научном сообществе благодаря понятной и непротиворечивой систематизации известного к 1990-м гг. спектра ранее существовавших и современных моделей познания истории. Идеи автора были переложены Н. Н. Козловой, В. А. Лекторским, Н. Н. Моисеевым, В. Г. Федотовой, В. Ф. Шаповаловым и другими на проблематику социогуманитарных дисциплин и приобрели статус базовых¹.

С середины 1990-х гг. эпистемологические знания стали сопрягаться с проблемным полем российской цивилизации в рамках отдельных статей и докторских диссертаций². Так, от-

---

¹ См.: Даниелян Н. В. Философские основания научной рациональности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2002. – 23 с.; Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12 - 22; Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая; Ленк Х. О значении философских идей В. С. Стёпина // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 10 - 11; Леонтьева Е. Ю. Рациональность и ее типы (Генезис и эволюция): дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2003. – 300 с.; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.; Федотова В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 45 - 54; Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. – Изд. 2-е, дополненное: Учебное пособие для вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – С. 436 - 441 и другие.

² См.: Дука О. Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического процесса с позиций вероятно-смыслового подхода (на примерах современной российской историографии); Ионов И. Н. Историческая наука: от «истинностного» к полезному знанию // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 109 - 112; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования; Сергеева О. А. Становление цивилизации

мечая необходимость разработки универсального когнитивного аппарата в условиях существования множества теоретических систем, по-разному выражавших историческую реальность, О. Г. Дука сосредоточил внимание на обосновании вероятностно-смыслового подхода и демонстрации его конструктивных аналитических возможностей на примере ряда концепций истории субъектов, включая и российской цивилизации. В свою очередь, О. А. Сергеева и А. В. Лубский в том же контексте ставили цель выявить специфику классической, неклассической и неоклассической методологий исторического исследования. Первому автору эти знания потребовались для расширения границ историографического анализа идей классиков цивилизационной теории: Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. А. В. Лубский воспользовался ими для обоснования собственной идеи об идеальном образе локальной цивилизации¹.

В разрезе эпистемологических проблем, волновавших указанных выше исследователей, цивилизационные концепции, появившиеся на рубеже XX–XXI вв., были классифицированы по типам рациональности.

К *классическому типу* были отнесены следующие аналитические модели: А. В. Лубским – стадияльные концепции цивилизаций; О. Г. Дукой – концепция истории России как цивилизационно неоднородного общества (Л. И. Семенникова), социокультурная теория истории России (А. С. Ахиезер), концепция истории России как общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта (Л. В. Милов)². В результате

онной концепции. Генезис и структура цивилизационной концепции общественного развития. – С. 31 - 50.

¹ Лубский А. В. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии. – С. 11 - 32, 54.

² Дука О. Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). – С. 96 - 111; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – С. 92 - 125.

анализа были выделены общие эпистемологические основания по следующим признакам.

а) Отношения между объектом и субъектом познания¹

Было установлено, что познавательная деятельность разработчиков указанных моделей осуществлялась с позиций субъект-объектных отношений с убеждением о преобразовательных возможностях человеческого разума, о высоком авторитете науки по отношению к другим формам знания (принцип сциентизма). Природа локальной цивилизации исследовалась как бы со стороны, без примеси человеческой субъективности (принцип объективизма), без претензии на познание исторической действительности такой, какой она была сама по себе.

б) Интерпретация истины²

В зависимости от характера описываемого сюжета, источников и способов доказательства, учёные одновременно могли руководствоваться несколькими концепциями истины, а именно:

- корреспондентской (сторонние высказывания об исторических фактах представлялись истинными или ложными в той мере, в какой они соответствовали фактам);

- абсолютистской (считали, что истинные знания целиком и безошибочно воспроизводят точную модель объекта);

- реалистической (истинные знания, по их мнению, воспроизводят (моделируют) сущности и события, которые имеют самостоятельное существование, независимое от состояний сознания исследователя);

- эволюционистской (истинные знания – это сам процесс познания объекта).

в) Способы познания окружающего мира³

Исследователи находили, что в классических концепциях центром познавательного процесса являлось объяснение исторических явлений (объясняющий подход) путем установления

---

¹ Лубский А. В. Указ. соч. – С. 92, 94, 96, 132.

² Дука О. Г. Указ. соч. – С. 72; Лубский А. В. Указ. соч. – С. 102, 104 - 105, 233.

³ Там же. – С. 93 - 94, 97, 153.

между ними причинно-следственных связей в рамках взаимодействия какой-либо совокупности социальных факторов. Цивилизация представлялась структурированной общественной системой, познание которой было ориентировано на открытие исторических закономерностей и тенденций (принцип социологизма). У авторов доминировал европоцентристский стиль мышления, опиравшийся на методологию однолинейного прогрессизма или(и) идеи цикличности дуальных оппозиций: прогресс – регресс, консерватизм – либерализм и других. Цель когнитивной стратегии состояла в создании одной исторической концепции, охватывающей все стороны исторической действительности в единой теоретической системе.

К неклассическому типу рациональности были отнесены следующие аналитические модели: А. В. Лубским – концепции локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л. С. Васильева, история ментальностей; О. Г. Дукой – цивилизационная концепция И. Г. Яковенко, институциональная теория О. Э. Бессоновой, полициклично-генетическая теория цивилизации Ю. В. Яковца¹.

а) Отношения между объектом и субъектом познания²

В эпистемологии неклассический тип рациональности ассоциировался с тем, что центральное место в исследовании занимал внутренний мир и убеждения автора как субъекта переживаемой исторической реальности, представленной сложным и уникальным пейзажем социальных отношений и саморегулирующейся повседневности, основанием понимания которой выступали представляемая им картина мира и уникальные духовные коды жизнедеятельности его сообщества. Предусматривалось наличие диалога между внутренней культурой исследователя и культурой изучаемых им людей другого времени.

Тем не менее за исключением истории ментальностей раз-

---

¹ Дука О. Г. Указ. соч. – С. 114; Лубский А. В. Указ. соч. – С. 154 - 186.

² Ионов И. Н. Теория цивилизации и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций). – С. 145; Лубский А. В. Указ. соч. – С. 132 - 133, 143, 152.

работчики не выходили за пределы социологического описания взаимосвязей между структурами локальной цивилизации, но рассматривали их и включённого в систему отношений человека в разрезе проявлений психологии больших социальных групп.

б) Интерпретация истины

Неклассическую рациональность характеризовали интерпретации истины, содержавшие сопоставления с состоянием познающего. Так, согласно субъективистской версии, истинными признавались ощущения или идеи субъекта, вовлеченного в познавательную деятельность. Истинными могли быть либо реальные сущности, либо проявления психического состояния исследователя (монистическая версия), либо и объект, и внутреннее состояние познающего субъекта (дуалистическая версия)¹. Однако анализ текстов показал, что авторы выделенной группы концепций нередко ориентировались и на классические интерпретации научной истины, внося тем самым в собственную методологическую конструкцию элемент противоречия.

в) Способы познания окружающего мира²

Исследовательский инструментарий комплектовался методиками анализа социальных групп, разработанными в междисциплинарном пространстве и позволявшими выявить тренды внутреннего состояния локальной цивилизации. Авторы экспериментировали с аналитикой понимания индивидуального, неповторимого (понимающий подход), акцентируя именно на нём исследовательский интерес. Широко использовалась концепция об идеальных типах М. Вебера³.

---

¹ Дука О. Г. Указ. соч. – С. 73.

² Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм // *Философия науки*. – Вып. 12. Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 143 - 144; Лубский А. В. Указ. соч. – С. 143, 153; Рузанкина Е. А. Указ. соч. – С. 16, 21 - 23.

³ Идеальные типы это «логические модели тех или иных аспектов предметной области исторического исследования, которые, с одной стороны, способствуют более четкому вычленению (артикуляции) этих аспектов, а с другой – служат своеобразными «эталоном», посредством сопоставления с которыми можно судить о мере удаления или, наоборот, приближения к

Провозглашаемый синтез аксиологических и логических компонентов познания¹, казалось бы, естественный в исследовании локальной цивилизации, для указанных концепций являлся больше декларацией о намерениях, чем типичным. Выявление цивилизационной специфики России ограничивалось оперированием разнообразными проявлениями ментальностей социальных групп, оставляя за скобками познание природы этнического менталитета.

К нео-(постне) классическому типу рациональности был отнесён ряд аналитических моделей, которыми дополнительно комплектовались методики изучения цивилизационной специфики модернизационных, глобалистских, информационных и иных процессов². К ним были отнесены: О. Г. Дукой – этнологическая теория Л. Н. Гумилёва, историческая семиотика Ю. М. Лотмана; А. В. Лубским – идеи, связанные в исторических исследованиях с проблемами синтеза формационной и цивилизационной теорий, а именно: формационно-цивилизационного резонанса (Б. П. Шулындин)³, «синтетического учёта тенденции к глобализации и тенденции к локализации»⁴ и другие.

ним исследуемой эмпирической реальности (Цит. по: Лубский А. В. Указ. соч. – С. 145).

¹ Левченко Е. Н. Россия в современном цивилизационном процессе: социально – философский анализ. – С. 23.

² Дука О. Г. Указ. соч. – С. 86, 143; Лубский А. В. Указ. соч. – С. 312 - 322; Садков В., Гринкевич Л. Цивилизационно-информационный подход к анализу общественного развития // Общество и экономика. – М., 2000. – № 1. – С. 166.

³ Шулындин Б. П. Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 2. – С. 5.

⁴ Лубский А. В. Глобализация и идея локальных цивилизаций [Электронный ресурс] // Глобализация и регионализация в современном мире. Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону. 15–20 сентября 2001 г.). – Ростов-на-Дону, 2001. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204124.html> (дата обращения 24.04.2013); Чешков М. А. Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1995. – № 2. – С. 148, 151.

а) Отношения между объектом и субъектом познания

Их авторы делали попытки выстраивания диалога с изучаемой реальностью, который опосредовался фильтрами предпочтения¹, позволявшими понять и объяснить предмет исследования с определённых концептуальных позиций и представлений о нём самого исследователя (неоклассическая версия принципа объективности)².

б) Интерпретация истины

Превалировало диалектико-материалистическое понимание истины³, соединяющее её естественно-научный и гуманитарный смыслы, так как любая интерпретация научной истины носит многомерный, комплексный характер и «существуют вещи (объекты), бытие и свойства которых не зависят от того, воспринимаются, мыслятся, измеряются ли они кем-либо или нет. Объекты познаваемы, то есть, воспроизводимы в модельно-знаковой форме в единой системе «теория – эксперимент»⁴. Вместе с тем идеи не исключали и прагматическую версию, согласно которой истинными считались знания, позволявшие эффективно решать познавательную или практическую проблему⁵.

в) Способ познания окружающего мира

Ориентиром исследовательских практик служил методологический синтез эквивалентных в эмпирическом и семантиче-

---

¹ Фильтр предпочтения, по мнению автора данного понятия – О. Г. Дуки, создается исследователем в процессе конструирования теоретической системы как разрешение разнообразных противоречий исторического процесса, и должен заключать в себе расшифровку-объяснение (толкование) противоречия не менее, и даже более богатую, чем сама интерпретируемая предметная область (Дука О. Г. Указ. соч. С. 179).

² Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – С. 284, 286.

³ Кротков Е. А. Эпистемологические образы научной истины // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 6. – С. 124.

⁴ Дука О. Г. Указ. соч. – С. 73.

⁵ Дука О. Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности [Электронный ресурс] // Альманах «Дискурс-Пи». – Вып. 5. – URL: <http://discourse-pi.ur.ru/avtor5/dukao.php> (дата обращения 10.11.2012).

ском планах когнитивных установок, характерных для классической, неклассической и постмодернистской моделей рациональности, концепций микро- и макроисторий, социологического, культурно-антропологического и семиотического подходов в исторической науке в целях изучения всей совокупности сфер и структур российской цивилизации в их многомерной взаимосвязи. В синтезе подходов происходило обновление смыслов методологических принципов.

Неоклассическая версия *принципа историзма*. Различные эпохи представлялись уникальными проявлениями духовного мира человека с присущими ему культурой и ценностями. Исследователь, познающий историю как процесс и связь между событиями во времени, опосредованный структурными ритмами различной длительности, объясняет их, преодолевая представление о том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы.

Версия *принципа эмерджентности*¹. Изучение объекта как целостности, так и исторической реальности в виде иерархии «целостностей», не сводилось к составляющим их частям, но «в понимании этих частей должно непременно присутствовать ощущение целого как контекста»².

Теоретический плюрализм, понимаемый как совокупность комплементарных и конкурирующих версий истории, где каждая по отдельности реконструирует исторический образ цивилизации под определённым углом зрения, но вместе воссоздают образ её целостности и многообразную картину прошлого с включением в контекст проблем сегодняшнего дня³. В концепциях локальной цивилизации с целью описания характеризующих социальных процессов ключевое значение приобрели та-

---

¹ Принцип эмерджентности (emergence (англ) — возникновение, появление нового), используемый в синергетике, тождественен гносеологическому принципу холизма.

² Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв. — С. 35.

³ Лубский А. В. Указ. соч. — С. 261, 279 - 280, 288, 290, 294.

кие понятия, как релятивность, биосоциальность, социентальность и другие.

Нетрудно заметить, что в рассматриваемый период историческая проблематика российской цивилизации была востребована концепциями, созданными в пространстве всех трёх форм научного познания (по В. С. Стёпину). Ситуация невнимания или неприятия утверждений коллег, в действительности соответствовавших иному типу рациональности, неизбежно порождала препятствия к позитивному диалогу учёных. Признаки интеллектуального сепаратизма, которые отмечались в российском исследовании¹, выдавали если не отсутствие, то редкие случаи или незаконченность такого рода диалога. Гуманитаристика, по мнению А. В. Лубского, превратилась «в когнитивное поле многообразных мнений и несоизмеримых интертекстуальных «языковых игр», в которых социальная реальность растворяется во множестве индивидуальных смысловых миров и значений»². Таким образом, показателем приверженности к методологии того или иного типа рациональности служило соблюдение особых стандартов научности, которыми руководствовались исследователи.

Нередко поводом для разногласий служили моменты отрицания необходимости следования отдельным элементам научности, как это предлагали сторонники прагматической трактовки истины. Так, А. П. Назаретян³ и И. Н. Ионов полагали, что «история как наука способна существовать и развиваться без доминирования мифологемы «истины», преследуя в основном идеал «пользы», учитывая потребность людей в ориенти-

---

¹ Мальковская И. А. Россияведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. – 2003. – № 1. – С. 78.

² Лубский А. В. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии. – С. 14.

³ Назаретян А. П. Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 108

ровании во времени»¹. Подчёркивая утилитарный контекст процитированного мнения, сторонник нео-(постне) классики О. Г. Дука, например, выражал предпочтение классической интерпретации, согласившись с А. Л. Никифоровым в том, что «с отказом от идеи истины лишаются смысла понятия доказательства, опровержения, вообще спора и дискуссии. Разрушается логическая сторона человеческого мышления. Становится совершенно неясным само понятие познания. Обесмысливается понятие «прогресс науки». Проблематичным становится понимание поведения людей»².

На другую причину «эпистемологического сепаратизма», в определённой мере формировавшую в среде исследователей истории российской цивилизации атмосферу взаимной отчуждённости, указала Е. А. Мамчур. Устанавливая границы понимания объективности науки как способности давать относительно истинное представление о действительности и анализируя взгляд на эту проблему со стороны неклассической доктрины релятивизма³, автор заключила, что сторонники последней, руководствуясь убеждением о не-объектности исторического описания, стали отрицать объективность концепций, смешивая таким образом разную по свойствам аналитику⁴.

В свою очередь, нередко приверженцы объективных знаний и универсальных теорий ошибочно, по мнению Е. А. Мам-

---

¹ Ионов И. Н. Историческая наука: от «истинностного» к полезному знанию. – С. 112.

² Цит. по: Дука О. Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития. – С. 70.

³ «Эпистемологический релятивизм можно определить как доктрину, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно одного и того же объекта не существует единственно верной, той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире. Да и искать ее не нужно, полагают релятивисты, поскольку все эти точки зрения и все эти теории являются равноправными и равноценными» (Мамчур Е. А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 14).

⁴ Мамчур Е. А. Ещё раз о концепции эпистемологического релятивизма // Полигнозис. – 2009. – № 4(37). – С. 45 - 46.

чур, отождествляли понятие релятивизма с релятивностью – относительностью «наших знаний к той или иной парадигме или культуре, к тому или иному типу рациональности, в рамках которых это знание возникает и функционирует»¹. Из сказанного следует, что в аналитическом блоке исторического знания о российской цивилизации отдельные категории имели подвижные смысловые границы. Поэтому нередко конструирование автором той или иной провозглашаемой идеи её эпистемологического основания, как правило, сопровождалось встраиванием в него элементов различных подходов², ещё не гарантировало эквивалентных суждений относительно тех стандартов научной рациональности, которые на самом деле исповедовал.

Обращает на себя внимание наличие преемственности между рассмотренными выше параметрами классической и нео-(постне) классической традиций в изучении российской цивилизации, а именно: в определении объекта и субъекта познания, понимании научной истины и способах постижения окружающего мира. Очевидно, что фрагменты общего между классическими стратегиями, в основу которых была положена логика законов механики и физических явлений, и нео-(постне) классикой конца XX – начала XXI в., ориентированной на методологический синтез, проявились в результате возвращения в социогуманитарную сферу естественно-научных знаний о природной среде и адаптивных свойствах общества. Интеграция указанных научных сфер уже на положении равноправных существенно расширяла спектр предметных и проблемных координат в изучении цивилизационной специфики России.

---

¹ Мамчур Е. А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). – С. 14 - 15.

² Ионов И. Н. Теория цивилизации и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 150.

Следует отметить, что скромное количество и общий характер работ, посвящённых анализу эпистемологических оснований исторического знания о российской цивилизации, явились следствием отсутствия в предшествующий период корректного инструментария оценки методологического аппарата исследователей, который в 1990-е гг. постепенно формировался, в том числе, благодаря и на основе новаторской идеи В. С. Стёпина. Рассмотренное выше состояние современной отечественной историографии отразило дефицит внимания специалистов прикладной истории к теоретическим вопросам в период наступившего кризиса в самой исторической науке¹. Вместе с тем в социогуманитарном сообществе развивалась и популяризировалась эпистемологическая аналитика, которая могла быть использована в качестве методологической базы научной экспертизы авторских моделей понимания/объяснения цивилизационной специфики России, заслуживающих специального анализа с позиций выявления эпистемологических истоков.

Логика концепций, опиравшихся на понятие манихейства

Обогащение познавательного инструментария методологией нео-(постне) классической рациональности нередко сопровождалось возведением в абсолют прагматичного идеала истины, согласно которому истинными считались знания, позволявшие эффективно решать реальную познавательную или практическую проблему, ибо историческая реальность – это именно «выводимая», а не наблюдаемая реальность. Собственно, когда-то происшедшее событие, память о котором сохранилась в системе знаков, и становится историческим фактом в свете определенной теории, придающей событию те или иные смыслы.

---

¹ Алтухов В. Контуры неклассической общественной теории // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 62–63; Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 7, 14–19.

Таким образом, при сопоставлении и для анализа авторских концепций актуальной становится не оппозиция «истинное – ложное», а рассмотрение отношений репрезентаций друг к другу. Репрезентации не могут «схватить» истину, но могут быть более или менее адекватными. Является репрезентация адекватной или нет, зависит от того, насколько четко она систематизирована, логически непротиворечива, убедительно аргументирована и обоснована выводами, расходится ли она с другими репрезентациями или согласуется с ними¹.

Приведенные выше рассуждения послужили основой для рассмотрения концепции так называемой манихейской цивилизации. Необходимо подчеркнуть, что учёные предпочитали осуществлять систематизацию исторического знания о российской цивилизации на основе бинарных признаков. Воспринятая отечественными мыслителями, начиная с историософии П. Я. Чаадаева, европейская логоцентричная модель привязки характеристики исторических процессов (явлений) к описанию взаимодействия их атрибутивно неравнозначных полюсов со временем превратилась в господствующее бинарное (синонимы: дуальное или антиномичное) гуманитарное мышление, развивавшееся в разрезе философских диад: форма – содержание, причина – следствие, необходимость – случайность, возможность – действительность и других. Модель позволяла исследователям конструировать всевозможные варианты объяснения внутреннего состояния и положения изучаемого предмета относительно интересующей социальной системы путем изменения координат противопоставления и взаимосвязи разнонаправленных нормативностей.

К началу 1990-х гг. в оборот исторического знания были возвращены присутствовавшие в русской философии XIX – начала XX в. цепочки категорий, наиболее понятным (с точки зрения логики обыденного сознания) образом сообщавшие обществу о его базовых ценностях: о мирском (профанном) и са-

---

¹ Дука О. Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности.

кральном, временном – вечном, должном – сущем, добре и зле, жизни и смерти, богатстве – бедности, власти – подданстве, праве – бесправии и многих других. Нередко увлеченность объяснением реальности с помощью бинарных сопоставлений перерастала в гиперболизацию их значения и, как следствие, вела к неизбежному попаданию в авторскую аргументацию ложных посылов, состоявших из комбинации рациональных и нечетко формализованных иррациональных смыслов.

К концу XX в. в социально-гуманитарных науках широкую известность получил особый подход представителей либерального направления А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко к описанию проявлений историко-культурных традиций в России. Характеризуя предмет своего исследования, они оперировали такими формулами, как «манихейская цивилизация», «манихейский тип культуры», подчеркивая тем самым специфику его духовных истоков. По поводу правомерности употребления указанных понятий, чей семантический статус не позиционировался как метафоричный или нарицательный, в литературе уже высказывались сомнения, впрочем, в условиях поощрения многообразия взглядов не побудившие коллег по цеху к дальнейшей дискуссии. Тем не менее немногочисленные отклики, отражавшие конкурирующие методы научного познания, важны для реализации цели, которую мы перед собой ставим, – определить место указанного подхода в системе исторического знания о российской цивилизации.

Названные выше исследователи развивали идею о манихейской цивилизации в целях обоснования собственной концепции истории. Не скрывалось, что используемые «положения и выводы не дедуцируются из некоего определенным образом развернутого материала. Они постулируются, а затем апробируются на их гносеологическую продуктивность, будучи спроецированы на этот самый материал»¹. Соавторы в несколь-

---

¹ Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Системный взгляд на культуру – основа цивилизационной специфики в России // Рубежи. – 1998. – № 3/4. – С. 108.

ко тяжеловесной форме представляли свой подход как смысло-генетический в разрезе культурологии, согласно которому «дифференцирование принципов оперирования бинарными оппозициями как универсального метакода смыслообразования выступает одной из базовых отправных точек в цивилизационном анализе вообще и в цивилизационном анализе России в частности»¹.

Можно выделить несколько ключевых суждений.

1. Манихейство понималось в двух смыслах. В узком – как религиозное учение иранского реформатора Мани (216–277), появившееся под влиянием раннего христианства, гностических воззрений и зороастризма, трактовавшее мир как арена вечной борьбы двух этически дуальных начал: добра и зла, света и тьмы. Уже в течение века оно стало известно в Центральной Азии, северной части Африки и Римской империи, где неизменно объявлялось ересью и жёстко преследовалось светскими и духовными властями.

Но для А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко исторический контекст религиозного учения имел второстепенное значение. Главное заключалось в том, что они пользовались широким смыслом, абсолютизированным А. С. Ахиезером в отношении истории России², и определили его как «огромный сложнообозримый пласт религиозных, историософских идей, настроений и феноменов, на протяжении тысячелетий выступающих под самыми разными доктринальными одеждами по всему пространству региона монотеистических религий»³.

2. Существует так называемая манихейская матрица, принадлежащая к базовым структурам ментальности любого традиционного общества. Носители ценностей, заложенных в матрице, объединенные под общим названием «манихеи», любую

---

¹ Там же. – С. 123.

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. – С. 263 - 264.

³ Яковенко И. Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 55 - 56.

конфликтную ситуацию стремятся предельно обострить, и смысл их жизни заключается в борьбе до поражения противника.

3. Утверждалось, что в период с начала 1 тысячелетия до н. э. до VII в. н. э., то есть во времена так называемой «манихейской революции», в сознании людей возникла идея о сущем и должном и их противопоставлении. Тогда родовой человек, воспринимавший реальность в синкретическом виде с доминированием в механизме познания объект-объектных связей, уступил место паллиату – новому социальному типу, познающему истину о трагичном несовершенстве бытия с позиции субъект-объектных отношений. В это время и «формируется должное как коннотативное поле смыслов, связанных с идеей мироустроительного проекта, и сущее как номинация континуума эмпирической действительности, данной субъекту в ряду дискретных и фрагментарных состояний»¹. Таким образом, духовный мир паллиата оказался разделённым между полюсами многочисленных бинарных оппозиций, породивших логоцентричный тип мышления, теократический тип государственности, религию спасения и презумпцию долженствования, то есть те социальные признаки, которые были соотнесены с традиционным обществом, каким авторам идеи и представлялся российский социум.

Дальнейшее направление развития человечества связывалось с вымышленной названными выше авторами буржуазной революцией 1500–1648 гг. Тогда, как они полагали, в европейском обществе на смену времени господства паллиата пришёл период доминирования личности со своей фундаментальной чертой – автономностью, у которой оппозиции снимаются на субъект-субъектном уровне². Таким образом, прогресс виделся в эволюции типа отношений между названными выше субъек-

---

¹ Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 3. – С. 88.

² Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Указ. соч. – С. 120 - 121.

тами культуры (родовым человеком, паллиатом и личностью) и созданными ими типами цивилизаций¹.

4. Для объяснения качественных особенностей указанных цивилизаций использовалась идея А. С. Ахиезера о цикличности инверсии-медиации, согласно которой периодически под влиянием различного рода факторов в сознании традиционного социума, разорванного между оппозиционными полюсами, в критические моменты происходит их инверсионная перекодировка. В новых исторических условиях повышенное значение приобретают уже другие дуальные состояния, которые сакрализуются, идеологизируются и постепенно поляризуют общественные мнения по своим полюсам².

Так, для цивилизации личности, под которой подразумевался Запад, оказалась характерной медиация с господствующей логикой синтеза смыслов. Там переживаемые противоречия становятся внутренней проблемой субъекта, существующей в условиях динамического взаимодействия противоположных смысловых полюсов и сопровождаемой перманентным самостоятельным выбором решений³. Согласно А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, события в истории российской цивилизации соотносятся с инверсионными циклами, в течение которых периодически менялись акценты должного.

В научном сообществе достаточно представительная группа сторонников, разделявших взгляд на социокультурную специфику своего отечества как на «промежуточную», «пограничную», «варварскую», «расколотую», «агрегатную», «периферийную», без оценочных комментариев выражала лояльное отношение и к «манихейской» интерпретации. Но были исследователи, которые отнеслись к ней сдержанно, не игнорируя как историографический факт. Выделим немногочисленные

---

¹ Беседин И. А., Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 175.

² Яковенко И. Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность. – С. 195 - 199, 271 - 273.

³ Беседин И. А., Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Указ. соч. – С. 70, 334.

суждения, ориентированные на поиск слабых сторон, обнаруженных в процитированных выше умозаключениях.

Претензия по поводу присутствия футуристической компоненты была высказана Б. С. Ерасовым. Так, в одном случае, указывая на обреченность паллиата перед силами прогресса, И. Г. Яковенко предрекал, что «железная поступь общеисторического императива сметает с земли неэффективные способы бытия»¹. В другом месте рисовалась перспектива маргинализации от двух третей до четырех пятых населения России. Подобная программа была оценена Б. С. Ерасовым как нацистская².

Сторонников четкого обоснования периодизации не мог удовлетворить предлагаемый упрощенный схематизм в хронологии всемирной истории, объясняемый сменой социальных типов, согласно которой временам доминирования родового человека, паллиата и личности соответствуют неолитическая, манихейская и буржуазная революции и одноименные цивилизации. Таким образом, любые общества периодически следует перераспределять между тремя ступенями означенной социальной эволюции, исторически следующими друг за другом, учитывая при этом их взаимодействие и динамичное состояние. Но границы паллиативности индивидов авторам идеи представлялись настолько прозрачными и подвижными, что в связи с изменением исторической обстановки не исключался неоднократный переход в положение личности или временный возврат к родовому человеку.

Несомненно, в рассматриваемом подходе выразилось понимание синергетических эффектов, присутствующих в природе локальных цивилизаций. В представленной идее дуализм был абсолютизирован и являлся методологическим каркасом универсальной объяснительной схемы. В содержательном отношении манихейство объявлялось генетическим наследием, а

---

¹ Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – С. 63 - 64.

² Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – С. 37.

также истоком всех мировых конфессий (с постижения основ которых, кстати, Мани и начинал свою деятельность), культуры народов, сформировавших российский суперэтнос, в том числе и наиболее узнаваемых массовым читателем политических режимов (социалистического, нацистского)¹.

В целом идея о манихейской сущности духовной сферы человечества выглядела мифологичной при сопоставлении с некоторыми результатами исследований по истории христианства и исторически приходящих типов мышления. В отношении авторской интерпретации смыслогенетического подхода был сформулирован перечень слабых мест. Сам принцип, по мнению В. Г. Хороса, выглядел несколько надуманным и формалистичным по нескольким причинам:

- не все оппозиции, выделявшие экзистенциальные параметры общества, имели значение в цивилизационном анализе;
- идея об «инверсии» и «медиации» представлялась недостаточно доказательной и «порой просто вменяется тем или иным цивилизациям без убедительных подтверждений»²;
- в понимание социокультурных процессов привносился избыточный биологизм;
- среди явных несоответствий идеи было указано на современное существование западноевропейской личности в атмосфере доминирования логоцентричности и дуализма, типичной для времени паллиата³.

Стоит отметить, что специалистами в области исторической эпистемологии установленным считался факт антиномически «утонченной», традиционной для православия триадологии, которая «не является символом безысходно-трагедийного мировосприятия, но раскрывает уникальную оболочку русской

---

¹ Яковенко И. Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность – С. 58 - 66.

² Хорос В. Г. К методологии цивилизационного анализа (по материалам проекта ИМЭМО РАН) // Цивилизации в глобализующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта: по материалам научной конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 7.

³ Там же. – С. 67, 73.

мысли, в которой «бинарное» и «тернарное» сосуществуют в высшем синтезе»¹ в пределах природной способности человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами². Известной метафорой такого мировосприятия служил образ Святой Троицы. При соотнесении с моделями мышления, описанными В. К. Шабельниковым³, подобный способ понимания представляется промежуточным между ассимилятивным, характерным для западного человека, воспринимающего явление в своих умственных схемах и категориях, и аккомодивным, типичным для восточного человека, ощущающего присутствие невидимого целого, к чему он причастен, уподобляющего себя его логике и движению, как это и выражено в русской космологии.

Анализ структуры дуальности, проведенный Ю. М. Горским и В. И. Разумовым, показывал, что противоречие между двумя противоположностями, представляющееся на первый взгляд универсальным, оказывается не элементарным. Оно может рассматриваться как распределение отношения по обмену ресурсами между всеми элементами системы, где каждая сторона имеет свою, также противоречивую природу. «В основе ее, – утверждали они, – противоречие между максимальными и минимальными значениями той или иной противоположности. Увеличение ресурсов одной стороны противоречия неминуемо ведет к уменьшению ресурсов другой стороны и наоборот»⁴. Движение и одновременно устойчивость системе придает третья сторона этого процесса – управляющий элемент, компенсирующий перераспределение ресурсов от полюса, испытываю-

---

¹ Там же. – С. 188 - 192.

² Баранцев Р. Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия: к 275-летию Академии наук: материалы междунар. конф., С.-Петербург, 5-7 окт. 1998 г. / Отв. ред.: Артемьева Т. В., Микешин М. И. – СПб. [б. и.], 1998. – С. 52.

³ Шабельников В. К. Психологическое осмысление теорий: западный и восточный взгляд. [Электронный ресурс] – URL: <http://fl.ogiston.ru/articles/general/shabel> (дата обращения 24.05.2012).

⁴ Цит. по: Дука О. Г. Указ. соч. – С. 179 - 180.

щего их избыток, к полюсу, испытывающему недостаток, с помощью характерного для конкретной исторической эпохи набора средств и методов. При неэффективном перераспределении возникают кризисные процессы с вытекающими последствиями. Как полагал О. Г. Дука, в свое время анализировавший методологический аппарат И. Г. Яковенко¹, благодаря пластичности указанного механизма и постоянному его стремлению к достижению равновесия, в фокусе гармонии дуальной оппозиции появляется «возможность объяснить существование любых управляемых и саморазвивающихся систем, к коим, безусловно, относятся и социумы»².

Вместе с тем трудно не согласиться с К. Г. Юнгом³, что ощущения борьбы дуальных этических начал – добра и зла, света и тьмы, отложились в архетипах человечества, в их многочисленных проявлениях у народов через стереотипы коллективного бессознательного. Сказанное выше обосновывает возражение по поводу обусловленности манихейством исторической конкретики истории человечества в целом и российской в частности, то есть исходя исключительно из характеристики одного из ранних крайнего толка религиозных течений Востока.

В научном плане основополагающий тезис о времени «манихейской революции» выглядит не строгой импровизацией ранее высказанной К. Ясперсом мысли о формировании в течение первого осевого времени (с 800 по 200 г. до н. э.) в сознании индивидуума антиномичных представлений, которые оказали влияние на становление многих форм социальных связей⁴, в том числе и религиозных учений. Наряду с другими конфигурациями мышления эта совокупность представлений воплотилась в специфике духовных миров каждой из локаль-

---

¹ Там же. – С. 118 - 121.

² Ахиезер А. С. Указ. соч. – С. 181.

³ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев: Post-Royal, 1996. – С. 240 - 241.

⁴ Ясперс К. Истоки истории и её цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 32 - 50.

ных цивилизаций, в период кризисов актуализируя в сознании людей обращение к противоположным, архаичным, и одновременно взаимозависимым полюсам сложившейся системы мироощущения.

У авторов идеи для описания сущности русской культуры был избирательно составлен набор исключительно из отрицательных признаков с агрессивным оттенком, а именно «блокирование диалога с противостоящей стороной; профанация компромисса; особая, остро дуализированная картина мира, предполагающая мощное эмоциональное наполнение; иррациональная устремленность к последней битве; склонность к мифологии заговора и измены; перманентный поиск внутреннего врага и так далее»¹. Нетрудно представить, с какой легкостью можно подобрать для указанных признаков коллаж из ситуативных событий и тенденций, относящихся к разным эпохам и социумам. Но если приведенные с этой целью иллюстрирующие факты не замыкать на контексте перманентной борьбы, а интерпретировать в разрезе взаимосвязанности известных законов и принципов диалектики, то каждый в отдельности и все в совокупности они будут свидетельствовать о сложной ритмике процессов адаптации этносов к окружающей природной среде и конкретной исторической обстановке.

В целом в условиях провозглашенного в стране плюрализма мнений идея о манихейской сущности цивилизации в России представляла собой противоречивый продукт историософского поиска средств выражения ее социокультурной специфики. Подход А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко показал устойчивость познавательной практики находить новизну постижения социальной природы общества в постулировании основополагающего значения тех или иных конструкций дуальности. В целях изложения системного взгляда на предмет исследования был избран инструментарий, в теоретическом отношении ограниченный неверифицируемыми суждениями о широком смыс-

---

¹ Баранцев Р. Г. Указ. соч. – С. 56, 58 - 65.

ле манихейства, а в методологическом – приёмами оперирования бинарными оппозициями, представленными в виде разнонаправленных тенденций, универсальность и конечность которых обоснованно ставились под сомнение. Тем не менее изыскания авторов явились тем опытом, который не остался незамеченным в социогуманитарном сообществе, но обострившим проблему соответствия комплектации теоретической базы и методологического аппарата цели определения (адекватно действительному) общего и особенного в историческом знании о российской цивилизации.

Логика концепций, опирающихся на понятие варварства

Версии следующей эпистемологической модели были созданы на базе аналитики понятия варварства и его возможных проявлений в цивилизационном пространстве России. Изначально, на рубеже XVIII–XIX вв., в Европе указанное понятие являлось антитезой высокому уровню культуры и использовалось, начиная с работ А. Фергюссона, затем Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, в периодизации истории человечества по эпохам (дикость – варварство – цивилизация)¹. В отечественной философской мысли XIX в. у сторонников западничества оно несло близкие по смыслу контексты, а именно: присутствия архаичных пластов в традиционной русской культуре (в рассуждениях о дилеммах прогресса подчёркивалась «недоразвитость» их носителей), подразумевались элементы консерватизма и сопротивления социальным новациям².

---

¹ Ионов И. Н. Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4-5. – С. 38; Терин Д. Ф. «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 33 - 36; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – С. 19 - 25, 163 - 185.

² Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 5; Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. С. 12 - 39.

В советской историографии проблема варварства как стадии первобытнообщинного общества вошла составной частью в теорию генезиса феодализма в странах Европы, представленную З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой в докладе на XIII международном конгрессе исторических наук (16–23 августа 1970 г.). Авторы, рассматривая третий тип генезиса феодализма, характерный для регионов Европы, не испытавших римского господства (Скандинавские страны, Северо-западная Германия, области западных и восточных славян), корректно и безоценочно выделили общее в состоянии социализации проживавших там варварских обществ, а именно: несущественное влияние традиций рабовладельческой формации; почти полное отсутствие городов и внутренней торговли с середины V до начала X в.; отсутствие крупного землевладения позднеимперского происхождения, остатков римской государственности, а также влияния христианской церкви; сохранение пережитков большой семьи; господство свободной соседской общины; длительное сохранение родо-племенной знати и догосударственных форм правления¹. Отсутствие античной «прививки» в её западно-римском облике и, напротив, влияние Византии – преемницы восточно-римской империи вкупе с последующим монгольским владычеством во многом обусловили специфику жёстко вертикального построения власти в отечественной цивилизации².

С начала 1990-х гг. тема архаизации и варварства вновь обрела прописку в отечественной историографии, но уже как элемент проблемы цикличности прогресса – регресса в россий-

---

¹ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. – М.: [б. и.], 1970. – С. 15 - 16.

² В. П. Буданова, изучив этимологию метафоры «цивилизация варваров», появившейся в течение последнего столетия в отечественных гуманитарных текстах, выделила её узкий смысл – этап в истории любого человеческого общества, и широкое понимание как универсального понятия, предполагающего ценностный выбор общества между «своим» приемлемым и «чужим», а потому неприемлемым если не враждебным (Буданова В. П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 10 - 46).

ской истории, предопределяющая, по мнению её разработчиков, цивилизационную специфику общества и государства. Внимание учёных было сосредоточено на процессах маргинализации, на таких крайних формах поведения, как национализм, социальный паразитизм в различных его проявлениях, оккультизм, смена религиозной ориентации и других.

Системный взгляд на природу архаизации общества был представлен в трудах А. С. Ахиезера. Само понятие автор интерпретировал как форму регресса, проявляющегося в программах деятельности людей и их коллективов, разрушающих социальные достижения. В эпистемологическом плане рассуждения опирались на анализ подвижного состояния дуальной оппозиции, состоящей из двух разнонаправленных процессов: на повышение способности эффективно воспроизводить жизнеспособность общества и ослабление способности эффективного воспроизводства, ведущего к возрастающей дезорганизации¹. Отмечая целесообразность изучения связей между этими процессами, их взаимопереходных состояний и соразмерности, учёный подчёркивал ключевое значение промежуточной зоны «между», где, по его мнению, формируются основные смыслы более эффективных воспроизводственных программ². В указанном ракурсе сфера «между» функционально и позиционно напоминала управляющий элемент рассмотренной выше модели дуальности, разработанной Ю. М. Горским и В. И. Разумовым, что свидетельствовало о верифицируемой идее на тему существования механизма равновесия между разнонаправленными и взаимозависимыми полюсами, к которой исследователи и А. С. Ахиезер пришли разными путями.

Тем не менее при характерном для последнего автора и его последователей подходе к изучению истории российской цивили-

---

¹ Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 89, 99.

² См.: Ахиезер А. С. Сфера Между и её осмысление // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 5. – С. 125 - 133.

лизации в динамике циклов преобладал интерес к природе регрессивных тенденций и поиску там истоков повторяющихся кризисов. В этой связи архаизация как общая форма регресса подвергалась детализации с помощью многочисленных смыслов понятия варварства.

Так, по версии А. А. Кара-Мурзы, варварством является процесс или явление, ведущие к социальной деградации в любом её проявлении на основе дистрибутивных отношений, понимаемых как «бесконтрольное растраниживание «жизненной силы», антиправовое покушение не только на чужую собственность, имущество, но и на власть, порядок, авторитет»¹. Подразумевался обширный перечень действий, процессов, явлений, ведущих к архаизации социума, имевших место в истории российской цивилизации, что называется, «везде и всегда». В целях обоснования выводов, являвшихся апологией либерализму, автор иллюстративно использовал отдельные исторические факты и умозаключения учёных XIX–XX столетий. В теоретическом плане версия была построена на основе постулата о непрекращающейся борьбе социума «против своего собственного небытия»² и одностороннего понимания специфики российских реалий, получившей исключительно негативные оттенки. В эвристическом отношении она подводила читателя к ощущению хаотичности существования во времени и многоликости варварства, к культивированию исторического пессимизма.

Свою версию варварства И. Г. Яковенко сопровождал некоторыми предварительными умозаключениями. Согласно автору, оно существует только при столкновении с цивилизацией, представляя собой архаический пласт культуры с особым характером воспроизводства внутреннего ресурса в рамках той или иной формы общества. Цивилизацией предлагалось называть этап развития культуры с наиболее эффективной стратеги-

---

¹ Кара-Мурза А. А. Указ. соч. – С. 41.

² Там же. – С. 14.

ей жизнедеятельности человечества, отличающейся резким наращиванием конкурентных ресурсов.

Таким образом, сущность варварства была выражена в трёх контекстах:

- внешнего пояса, ближней периферии цивилизации, используемой последней для пополнения своих жизненных сил;
- способа ассимиляции (через конфликт) носителей архаичности с цивилизацией;
- механизма восприятия цивилизации через страх, ненависть и презрение к новой исторической альтернативе¹.

В одной из статей под названием «Россия – варварская цивилизация?» автор привёл свои доводы для положительного ответа на поставленный вопрос и выделил, по его мнению, постоянное воспроизводство трёх характеризующих компонентов: первого – дисперсного варварства, проявлявшегося в различных формах дезадаптации и деструкции² слоёв населения; второго – институционального варварства, описанного с помощью образов казачества, представленного в симбиозе установок, диктуемых архаичной стихией и долгом выполнения служебных функций³; третьего – маргинального варварства, самого «чистого», необозримого пласта архаики с общим признаком у его носителей (криминальный мир, представители социального «дна», коррумпированные лица, сторонники кратизма и почитания чинов и другие) – паразитарностью⁴.

---

¹ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 4. – С. 66, 67, 69, 71.

² Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 2. Россия – варварская цивилизация? // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 6. – С. 82.

³ См.: Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество. // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 3. – С. 104 - 111.

⁴ См.: Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 4. Государственная власть и «блатной мир» // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 4. – С. 87 - 97.

Футурологической составляющей взглядов И. Г. Яковенко стало предположение о том, что «изживание (минимизация) пластов варварства и архаики возможно лишь со сменой цивилизационной модели»¹. Противоречивость суждения заключалась уже в том, что в соответствии с постулатами автора названные компоненты друг без друга не существуют.

В рамках ноосферной концепции истории Н. В. Мотрошилова сформулировала свою версию варварства как оппозиционной стороны цивилизации. Под варварством предлагалось именовать бесконечные процессы становления человечества, в ходе которых природно-биологические предпосылки, механизмы, стимулы, следствия жизнедеятельности являются доминирующими². С переходом к надбиологическим (понимается в значении социальных) программам формируется иной способ жизнедеятельности, который и означает цивилизацию. Его совершенствование в пределе должно подвести индивидов к следующему состоянию в обществе: к равной мере свободы и ответственности, социальному контролю, порядку, безопасности во всех сферах деятельности и повседневного бытия; к действенным законам, сознательности, конструктивности, эффективности деятельности индивидов, к их ориентации и на индивидуальный интерес, и на общие цели; к высокому качеству форм, средств коммуникации – дорог, транспорта, связи; к достойной повседневной жизни согласно критериям комфорта, чистоты, благоустроенности, красоты; к заботе о детях, старых и слабых и многому другому³. Все эти особенности, взятые с отрицательным знаком, составляют, по мнению автора, формулу варварства как оборотной стороны цивилизации⁴. Не вызывает

---

¹ Там же. – С. 97.

² Мотрошилова Н. В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – № 4. – 2006. – С. 50 - 51.

³ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. – М., ИФ РАН, 2007. – С. 27 - 34.

⁴ Мотрошилова Н. В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 4 (36). – С. 26.

сомнений пацифистская и нравственная направленность вышеизложенной версии, в которой цивилизация отождествляется с понятием высокой культуры.

Нетрудно увидеть, что в основание аналитики феномена варварства были положены ценностные императивы. Цивилизация рассматривалась в стадийном выражении, отождествляемая с высокой культурой жизнедеятельности. Апеллирование к полюсам дуальной оппозиции регресс – прогресс изначально было ориентировано на шкалу ценностей либерализма, выступавшего в перечисленных версиях в образе желаемого состояния, панацеи от варварства. Но от него, как утверждалось, не спасают, ни достижение более высокого качества жизни, ни торжество либеральных свобод. Варварство способно к самовозрождению и в кризисные, и в относительно благополучные годы.

Резюмируя изложенное выше, подчеркнём, что опыт универсализации таких понятий, как варварство и манихейство, вёл к искажённому историческому пониманию и одностороннему объяснению цивилизационной специфики России. Исследователи, придавая им статус инструментария в определении меры отклонения социальной системы от принятого за эталон либерального общества, не избежали осовременивания их конкретно-исторических смыслов. Тем не менее таким способом была обозначена проблема проявления в отдельных сферах цивилизации эффектов социальной энтропии, связанных с циклами снижения – повышения уровня их организации, эффективности функционирования и темпов развития.

Анализ выделенных типологически разнообразных моделей архаизирующих тенденций: «бегства от культуры», «тотальной архаизации», «переходной архаизации» и «диалога с архаизацией», проведенный В. М. Хачатурян уже на исходе рассматриваемого периода, позволил сформулировать гипотезу о неоднозначности их функций в социальной динамике той или иной цивилизации. Наряду с формальным отношением к ряду регрессий была выявлена конструктивная значимость по-

следних двух моделей в долгосрочной перспективе благодаря актуализации культурных форм, базирующихся на древнейших биосоциокультурных программах¹.

* * *

Подведём итоги. В рассматриваемый период развивались направления научной мысли, связанные с корректировкой аналитических параметров исторического знания о российской цивилизации. В данном сегменте историографии сложился широкий спектр теоретических предпочтений исследователей, систематизация которых воплотилась в предпринятом ранжировании концепций по типам научной рациональности с обобщением их объяснительных возможностей и уточнением пределов использования. Установлено, что нередко в построении эпистемологического основания той или иной концепции приоритет оставался не столько за обоснованным порядком комплектации методологического аппарата, сколько за вычлениением понятия, ключевого с точки зрения конкретного автора, которому придавался статус универсальной модели интерпретации особенностей российской цивилизации. Опыт использования в этих целях весьма ограниченного познавательного потенциала аналитических конструкций, созданных на базе понятий «манихейство» и «варварство», подтверждала, что в трудах его приверженцев цивилизационный подход ещё не выступал в качестве генерирующего методологического направления.

Рассмотренные проблемы обнажали очевидные лакуны в системе аналитического ресурса исторического знания о российской цивилизации. Представленный теоретико-методологический интерьер может существенно дополнить систематика подходов к изучению пространства и времени цивилизации, демонстрировавших различные варианты наложения умозрительных объяснительных моделей на конкретно-историческую фактологию, отразивших понимание основных

---

¹ Хачатурян В. М. Феномен архаизации в культурной динамике: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2011. – С. 10 - 14.

форм её жизнедеятельности: этническую, социальную и духовную.

2.2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ВРЕМЕНИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Изучение российской цивилизации в параметрах времени предполагает поиск синхронных и асинхронных длительностей взаимосвязанных процессов и явлений, маркирующих динамику её жизнедеятельности. В философии лишь в конце XX в. типология темпоральности, известная в других областях знаний по величинам астрономического, физического и биологического порядка, была конкретизирована таким важным компонентом, как социальное время¹. Методологический инструментарий наряду с известной тройственностью фигур (прошлое – настоящее – будущее) обогатился знаниями об основных свойствах времени: векторности, необратимости, множественности, неравномерности, дискретности, конечности, периодичности². Обществоведами с помощью проблемно-хронологического метода было осмыслено соотношение между такими единицами социальной темпоральности, как период, стадия, волна, цикл, фаза³.

Авторами исторических исследований проблема времени в разрезе указанного многоуровневого содержания явно не формулировалась, но подразумевалась в распространенной практике обоснования схем периодизации жизненных циклов общества/цивилизации. Опорным инструментом служил аналитический аппарат, предназначенный для описания внутренней

---

¹ Каширина О. В. Культура времени в современной картине мира: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2007. – С. 5.

² Дука О. Г. Указ. соч. – С. 76–79.

³ См.: Гречко П. К. Концептуальные модели истории. Пособие для студентов. – М.: Логос, 1995. – 141 с.; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного времени. – С. 458.